

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА, ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРОФЕССИИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.13

Правильная ссылка на статью:

Симонова И. А. Аффективная сила вандализма: молодежные вандалские практики в контексте концепции аффективного труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 273—291. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.13>.

For citation:

Simonova I. A. (2019) Affective power of vandalism: youth vandal practices within the concept of affective labor. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 273—291. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.13>.

И. А. Симонова

АФФЕКТИВНАЯ СИЛА ВАНДАЛИЗМА: МОЛОДЕЖНЫЕ ВАНДАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ АФФЕКТИВНОГО ТРУДА

АФФЕКТИВНАЯ СИЛА ВАНДАЛИЗМА:
МОЛОДЕЖНЫЕ ВАНДАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ АФФЕКТИВНОГО ТРУДА

AFFECTIVE POWER OF VANDALISM:
YOUTH VANDAL PRACTICES WITHIN THE
CONCEPT OF AFFECTIVE LABOR

СИМОНОВА Ирина Александровна — кандидат философских наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: luboe05@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8669-6376>

Irina A. SIMONOVA¹ — *Cand. Sci. (Philos.)*, Associate Professor
E-MAIL: luboe05@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8669-6376>

¹ Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Аннотация. Цель работы — адаптация концепции аффективного труда как методологической установки для анализа вандализма в молодежной среде. В статье проанализирован молодежный вандализм как форма аффективного труда и выделены два вида эффектов,

Abstract. The purpose of the article is an adaptation of the affective labor concept as a method for analyzing vandalism among young people. The article examines youth vandalism as a form of affective labor and identifies two types of effects. The first type deals with the

связанных, во-первых, с переживаниями самих вандалов, в результате которых формируются новая субъективность и коллективности; во-вторых, при реализации вандальных практик имеет место эффект для пользователей изменяемых вандалами пространств: они начинают чувствовать себя иначе, поскольку повреждения способны серьезно изменять статус, значение, пользовательские качества городской среды и ощущения горожан от нее.

Молодежный вандализм анализируется как стратегия, способная не только визуально (физически) преобразовывать городское пространство, но и осознанно конструировать аффекты, трансформирующие субъективность молодых людей, социальные позиции и формы общности как самих вандалов, так и пользователей города. Такой подход, отражающий стратегический характер вандальной активности молодежи, показал, что вандальная практика должна быть понята как практика обживания пространства, его присвоения, его де- и реконструкции, потребовал опоры на положения социальной топологии и общих идей акторно-сетевой теории. Предложенная социально-философская установка проиллюстрирована результатами, полученными в ходе исследования, проведенного летом и осенью 2017 г. в г. Екатеринбурге, где были взяты интервью у 17 представителей семи молодежных сообществ, а также произведено фотографирование поврежденных городских пространств по районам с нанесением данных на карту, полученная база фотографий промаркирована согласно территориальной принадлежности и типам поврежденной застройки. В

experiences of the vandals themselves which cause the new subjectivity and collectivity; the second type refers to the effects experienced by the users of vandal-altered spaces: they begin to feel differently because the damage can seriously change the status, value, user qualities of the urban environment and the emotions it induces on inhabitants.

The paper analyzes youth vandalism as a strategy which not only transforms the urban space visually (physically) but also consciously constructs the affects transforming the subjectivity of young people, social positions and community forms of both the vandals themselves and the users of the city. This approach, reflecting the strategic nature of the young people's vandal activity, shows that vandal practice should be understood as the practice of space occupation, its appropriation, its de- and reconstruction and should be based on social topology and general ideas of actor-network theory. The socio-philosophical conclusions in the paper are illustrated by the results of interviews involving 17 participants from 7 youth communities conducted in summer and autumn 2017 in Yekaterinburg. The photographs of the damaged urban spaces in various city districts were also taken; the data were mapped, and the photo database was marked according to geographical location and types of damaged buildings. This helped to draw certain conclusions about the youth vandalism phenomenon. The article outlines the prospects for the use of the proposed methodology in the analysis of vandal damage and in urban vandalism prevention activities.

результате удалось сформулировать ряд выводов о феномене молодежного вандализма. В статье обозначены перспективы использования предложенной методологии при анализе вандальных повреждений и в практике работы по предупреждению вандализма в городах.

Ключевые слова: вандализм, молодежь, аффективный труд, стратегии, город, молодежные сообщества

Keywords: vandalism, youth, affective labor, youth strategies, city, youth communities

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01278)

Acknowledgments. The research is funded by the Russian Science Foundation (project no. 17-18-01278).

Вандализм как комплексное социальное явление: ключевые проблемы анализа

Феномен вандализма в молодежной среде — явление, гораздо более сложное, чем стихийное точечное проявление индивидуальных психологических особенностей отдельных ее представителей или следствие их распущенности и невоспитанности. Установлено, что вандализм выполняет множество социальных функций¹ и представляет собой надывидуальное явление, связанное с социальными контекстами, условиями среды, значимыми событиями, сломami и пр. Потребность поиска эффективной методологии для анализа вандализма в молодежной среде продиктована, во-первых, необходимостью конкретизировать теорию — очертить границы понятия, четко определить критерии вандальной активности, систематизировать ее значимые эффекты, выявить триггеры; во-вторых, практической потребностью: на сегодняшний день не сформирована научно обоснованная технология оценки действий вандалов, которая опиралась бы, помимо правовых, на убедительные социальные, этические, финансовые основания; сходная ситуация сложилась и в практике реагирования на вандализм, диапазон мер весьма узок.

При попытках точечного исследования вандализма как такового приходится сталкиваться с рядом проблем. Затруднительным оказывается определение границ между вандализмом и явлениями иного порядка (неумелая реставрация памятников, шутки, уличное искусство и пр.), поскольку такие возможные критерии, как мотивы вандальных действий, портреты вандала (определение по субъекту активности), анализ продуктов вандализма, оценка целей вандалов, не дают воз-

¹ В настоящее время материал готовится к публикации: Кружкова О. В., Воробьева И. В., Порозов Р. Ю. Социально-средовые и индивидуально-субъективные функции вандализма в городской среде» в сборнике материалов Всероссийской юбилейной научной конференции «Проблемы социальной и экономической психологии: итоги и перспективы исследований», посвященной 45-летию лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН (7 декабря 2018 г., Москва).

возможности строгого разделения в условиях отсутствия общего методологического основания. На сегодняшний день существует несколько определений вандализма, мнения исследователей достаточно серьезно различаются — в том числе из-за их различной дисциплинарной принадлежности [Воробьева, Кружкова, 2015: 16]. Общей проблемой для них является отсутствие объективной универсальной системы координат для оценки явлений в качестве вандальных. Например, на практике при оценке последствий изменения среды и последующей работе с причастными к нему лицами обычно используют лежащее в правовом поле определение, рассматривающее вандализм предельно широко — как осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах [Скуратова, Лебедева, 1997]. При этом непроясненными остаются критерии, по которым можно квалифицировать изменение среды как оскверняющее или портящее.

Особую сложность представляет исследование собственно молодежного вандализма, поскольку речь идет не только о том, что субъект вандализма относится к определенной возрастной группе, но возникает вопрос о наличии специфических молодежных вандальных практик, а также о субъективном восприятии таких форм активности самими молодыми людьми. Следует учитывать, что вандализм находится на стыке правового, этического, эстетического и даже экономического полей, а в случае с молодежью еще и сосуществует наряду с широчайшим спектром специфичных практик в условиях интенсивных коммуникаций, свойственных молодежи, и потому должен рассматриваться как комплексное социальное явление: следует подходить к нему как к определенной социальной стратегии, связанной с особенностями современной жизни в городском пространстве, однако зрелая методология для такого анализа пока не сформирована, единое системное концептуальное основание не найдено. Цель этой работы — попытка поиска такого основания. И здесь большой потенциал для решения указанных проблем имеет концепция аффективного труда, что и будет продемонстрировано далее.

Концепция аффективного труда как инструмент для анализа социальных явлений «средового» типа

Аффективный труд — это производство и манипуляция аффектами и потребностями в человеческой связанности и близости. Иными словами, это работа, выполняемая для того, чтобы изменить ощущения и сконструировать новый определенный эмоциональный опыт людей. Его отличительная особенность — неосвязаемость производимого продукта: чувство легкости, благополучия, удовлетворения, волнения, страсти, связности, понимания, контакта. При этом особое значение имеют именно коллективные переживания, определяющие действия людей, в которых выстраивается некоторая новая субъективность.

Понятие аффективного труда (далее А.Т.) вошло в научный оборот благодаря работам Маурицио Лаццарато, однако наибольший вклад для понимания природы этого феномена внесли Майкл Хардт и Антонио Негри [Hardt, 1999; Hardt, Negri, 2000; Hardt, Negri, 2004], описавшие его именно как принципиально новую и более совершенную форму деятельности, оказывающую мощное влияние на все активности: она позволяет пересматривать позиции человека в традиционной

иерархической структуре труда, дает увидеть возможности для самоорганизации субъектов и их свободной сборки в «нежесткие» общности вне институционального диктата и капиталистической доминанты. Идея А. Т. переносит фокус на процессы создания коллективных субъективностей, где в ходе культурного воспроизводства и коммуникации зарождается подлинная, «живая» социальность. И хотя А.Т. успешно капитализируется и нередко ложится в основу управленческих инструментов патриархального толка, можно говорить также и о его эмансипационном потенциале. Так, М. Хард отмечает, что «С одной стороны, аффективный труд — это производство и воспроизводство жизни, что является основой капиталистического накопления и патриархального порядка. С другой стороны, однако, производство аффектов, субъективности и форм жизни представляет огромный потенциал для автономных схем валоризации и, возможно, для освобождения» [Hardt, 1999: 100]. Так или иначе, А.Т. работает непосредственно над аффектами и в итоге порождает новую субъективность, производит общество, социальную жизнь. Благодаря такому фундаментальному свойству эта идея нашла широкое применение как инструмент в исследовании самых разных сфер общественной практики. Например, отметим сборник работ команды европейских исследователей, подготовленный в рамках проекта, посвященного прикладному потенциалу концепции А.Т. [Dowling et al., 2007]: внимание уделено анализу модельного бизнеса [Wissinger, 2007], сетей креативного андеграунда и рекламной индустрии [Arvidsson, 2007], продаж в розничных сетях (Kristin Carls), ресторанной индустрии [Dowling, 2007], производства научного знания [Conti et al., 2007] в контексте идеи А.Т.— авторы смогли заглянуть за обыденные практики повседневной жизни и приблизиться к пониманию их сложной социальной основы, увидеть процессы, связанные с оперированием переживаниями и ощущениями, обеспечивающими не только коммерческий успех, но создающими социальные «уплотнения» (временно возникающие неинституциональные общности с нестабильными социальными связями и неочевидной идентичностью), обладающие новой субъективностью.

Интереснейший пример использования А.Т. как методологии социального анализа представлен в работе Ниры М. Сингх (Neera M. Singh) [Singh, 2013], в которой автор обращается к исследованию ситуации, сложившейся в регионе Одиша, Индия, где жители местных деревень занялись восстановлением исчезающего леса. Автор, исследуя причины, по которым сельские общины без поддержки правительства берут под контроль спасение государственных лесов, обнаруживает, что именно А.Т. способствовал становлению нового для них вида субъектности, подразумевающего вовлеченность в сохранение природного богатства, ответственность за судьбу леса, готовность работать над проблемой в кругу единомышленников, для которых лес является важным, «своим». На примерах высказываний членов общин-защитников Н. М. Сингх показала, что принципиальное значение имеет то, какие чувства вызывает лес, — он воспринимается как часть каждого человека, живущего рядом, как его друг, при этом чувства эти оказались разделенными всеми вовлеченными в спасение общинами. Речь идет о появлении экологических субъектов в ходе А.Т., для которых произошло не только переосмысление окружающей среды: в какой-то степени границы между средой и общиной были стерты. Применение идеи А.Т. позволило автору, во-первых, выявить не-

материальные мотивы поведения индийских селян; во-вторых, проследить, как разделяемые сильные эмоции сформировали плотные сообщества защитников, где каждый структурировал свои установки и поведение в духе разделяемых группой единомышленников аффектов: «Аффективный труд трансформирует местные субъективности». При этом важно, что аффект оказался «заразительным», вовлечено большое количество людей. В-третьих, автор обнаруживает, как переплетены чувства людей, становление их субъективности и их биофизическая среда. В этом смысле исследователь, хотя и не проговаривает этого, делает социально-топологический поворот [Law, 1999]: показывает, что человеческое сообщество неотделимо от пространства, где разворачивается событие, физическое пространство маркируется социально, становится частью социальной жизни и изменяется физически под действием социальных сил. Как отмечает Дэвид Болие, анализируя работу Н. М. Сингх, главный урок текста — взаимозависимость «наших действий с тем, как мы воспринимаем себя, с нашими отношениями с другими и нашей связью с окружающей средой»². Н. М. Сингх говорит и о «формах человеческого сотрудничества, возникающих в ответ на изменения в этой среде», то есть исследование показывает, что состояние социальности чувствительно к «логике вещей» [Кемеров, 2004]. Сам автор работы не упоминает акторно-сетевой подход, однако его функциональность в анализе данной ситуации очевидна: лес, его присутствие и состояние оказываются определяющими для практики местного сообщества, конституируют его. Для нас приведенное исследование демонстрирует удачный опыт применения идеи А.Т. как инструмента для анализа средового социального феномена, и особенно важно, что использование данной концепции позволяет «подцепить» социально-топологическую и акторно-сетевую методологии, столь необходимые для комплексного понимания явлений такого типа. Этот тандем дает возможность зафиксировать силу и подтвердить значимость аффектов и, несмотря на их невещественный характер, увидеть, как реально, физически срабатывает А.Т. Это позволяет говорить о ценности производимых нематериальных эффектов или, по крайней мере, об их влиятельности.

Обзор исследований последних лет по проблеме А.Т. дает основание сделать вывод, что интерес к прикладному использованию данной концепции, в особенности к явлениям средового типа, сегодня не слишком велик, несмотря на ее большой потенциал. Среди крайне немногочисленных российских работ можно выделить исследование Я. В. Григоровой, где автор показывает, что именно в среде современного искусства зародилась новая трудовая этика, присущая нематериальному труду. В так называемом постфордистском обществе сопоставление искусства и общественного труда позволяет найти причины прекаризации современных работников [Григорова, 2017]

За рубежом внимание в основном приковано к анализу возможностей концепции А.Т. в гендерных исследованиях — как в семье и в романтических отношениях, так и в рамках гендерной политики вообще, что уже стало традицией для этой темы. Такой аспект, например, отражает работа Йоханны Оксала (Johanna Oksala), которая представляет преимущества А.Т. для развития критической феминистской

² Bollier D. (2014) Affective Labor as the Lifeblood of a Commons. URL: <http://www.bollier.org/blog/affective-labor-lifeblood-commons> (дата обращения: 15.09.2018).

мысли и приводит сильные стороны этой концепции для анализа современной трудовой практики. Однако исследователь отмечает необходимость дальнейшей теоретической проработки категории А.Т. для успешной реализации на ее основе феминистской политики [Oksala, 2016].

Гендерный аспект присутствует (хотя и не является наиболее ценным) и в работе Пейдж Морган (Paige Morgan), рассматривающей эмоциональную составляющую работы специалиста библиотечного дела в сфере цифровой гуманитаристики. В компактном эссе она определяет свою аффективную работу как управление эмоциями людей, чтобы они могли принимать эффективные проектные решения. Она отмечает, что особенное значение эмоциональный труд имеет как фактор выбора решения в ситуациях, связанных с рисками, когда даже опытным пользователям из академической среды необходима поддержка. Речь идет не только о согласии специалиста помогать, но и об определенном доверии к его деятельности, которое достигается благодаря его эмоциональной работе. Важно, что даже на первый взгляд незначительные фрагменты инфраструктуры могут существенно повлиять на развитие всего научного проекта, потому что этот труд столь значим для нас, если мы посмотрим на данный тезис с точки зрения решений пользователей в отношении городского пространства. П. Морган утверждает, что эмоциональный труд необходим в научных кругах и библиотеках, поскольку он влияет на качество научных решений и позволяет делать это эффективно в условиях нестабильности, обусловленной как актуальным состоянием технологии, так и ситуацией с научным сообществом в целом. Для нас также интересен тезис, что эффективность эмоционального труда обеспечивается его добровольностью и возможностью свободно выполнять аффективную работу: «И все же простая формализация консультационных отношений не является ответом, потому что добровольный характер работы с библиотекарем оказывает положительное влияние на эмоциональный контекст, в котором работают библиотекари и ученые, особенно потому, что я неофициально советую, а не формально направляю; и я бы не хотела отказываться от свободы, характеризующей наши взаимодействия» [Morgan, 2016].

Отметим работу Лиз Чадч (Liz Czach), посвященную анализу опыта программной работы (отбор материала и составление программы) на кинофестивале через призму концепции А.Т., где автор обнаруживает такую неявную, но важную составляющую этой деятельности, как управление эмоциями и впечатлениями. При этом отмечается, что речь идет не только о работе с будущим зрителем, но и о переживаниях создателей фильмов, с которыми ведется взаимодействие при составлении программы, что позволяет увидеть широту спектра аффективной составляющей в разных сферах — в потребительской и в сфере профессиональной деятельности [Czach, 2016].

Об эффективности А.Т. в профессиональной деятельности говорится и в работе П. В. Мур (Phoebe V. Moore), где автор подчеркивает значимость А.Т. в жизни организации и его связи с возможностями функционирования в условиях изменений. На основе анализа кейса конкретного предприятия автор делает вывод о связи хорошего самочувствия и производительности как факторов формирования позитивного аффективного труда и соответствующей эмоциональной атмосферы в организации, обеспечивающих устойчивость, столь необходимую, чтобы

пережить турбулентность при внедрении гибких систем управления, в которых работники должны получать символическое руководство от машин [Moore, 2018]. Подтверждение связи между телесностью работников и широкими возможностями аффективного труда в условиях динамичных пространств представляется важным тезисом. Сходные выводы можно обнаружить и в работе Билли Хольсберга (Billy Holzberg) в которой делается попытка систематизации методологии А.Т. для анализа коммерческого суррогатного материнства в Индии. Автор с помощью трех различных концепций аффекта, обнаруженных в работах Майкла Хардта, Сары Ахмед и Брайана Массуми, показывает, как аффективная составляющая проявляется на уровне дебатов вокруг данной темы и функционирует в качестве основания для сопротивления суррогатному материнству. Делается вывод, что интеграция различных теорий аффекта позволяет более целостно исследовать проблему регулирования телесности, при этом расширяя понимание множественных жизней аффекта, которые действуют одновременно на уровне политической экономики, культурной значимости и материальной напряженности [Holzberg, 2018].

В контексте наших задач заслуживает внимания работа группы австралийских авторов, посвященная анализу процессов конструирования городского пространства. Исследование показывает, что реконструкция и создание городских территорий — это процессуальное явление, которое не завершается этапом физической реализации проекта, но предполагает сложные и более долговременные процессы социальной сборки, важную роль в которых играют общение и аффективный труд различных городских субъектов, объединяющие человека и нечеловека, материальное и социальное, а также прочное и эфемерное [Sweeney et al., 2018].

Суммируя изложенное, отметим, что положения концепции А.Т. используются исследователями для интерпретации практик социального взаимодействия. Благодаря ей представление о причинах взаимодействия людей дополняется идеей совместного проживания ими сильных эмоций. Важным аспектом анализа оказывается оценка значимости аффективной составляющей в относительно привычных видах деятельности, что делает такую деятельность более ценной и позволяет корректно оценить механизмы функционирования, а также находить «точки роста» в ее отношении. Ключевое значение аффективный труд имеет в случаях, когда устанавливается связь между человеческой субъективностью, телесностью и физическим пространством, где людям приходится становиться частью социальных отношений.

Концепция аффективного труда как инструмент для анализа молодежного вандализма

В данной части работы нами обсуждаются интерпретационные возможности концепции А.Т. для понимания феномена и субъективных причин молодежного вандализма. Потребность методологического поиска, как было обозначено выше, продиктована невозможностью окончательно справиться с вандализмом, в том числе и путем «слепой» профилактики вандальных действий молодежи вне использования устойчивой методологии.

Одной из ключевых и наиболее очевидных предпосылок применения концепции А.Т. для анализа молодежного вандализма оказывается сложная природа его ре-

зультатов. От действий вандалов страдает государственное и частное имущество, однако важнейшее значение здесь имеет не только и не столько непосредственная деформация вещей, сколько нежелательные и несанкционированные изменения городской среды в целом, теряющей свою привычную атмосферу, облик, а иногда и функциональность.

Положения концепции А.Т. используются нами для объяснения вандажных действий. При определении исходных предметных границ данного исследования мы опирались на дефиницию вандализма, предложенную Дж. Вайсом: «Изменение части физической среды без согласия на то ее собственника или управляющего» [Wise, 1982], где любое несанкционированное воздействие на городское пространство может быть понято как вандажное. Это позволило очертить круг рассматриваемых случаев в ходе изучения состояния городской среды и работы с информантами.

Эмпирическим материалом служат интервью, проведенные с 17 представителями семи молодежных сообществ Екатеринбурга августе-октябре 2017 г., а также фотографии поврежденных городских пространств Екатеринбурга по районам с нанесением данных на карту. Полученная база фотографий промаркирована согласно территориальной принадлежности и типам поврежденной застройки.

Цель интервью — изучение представлений молодежи о причинах вандажного поведения, особенностей восприятия ими вандажных повреждений городской среды. Интервью проводились в форме индивидуального собеседования, в соответствии с ранее разработанным планом опроса. Участие было добровольным, интервьюируемые уведомлялись о целях, содержании вопросов, способе обобщения и публикации материалов. Персональные данные не собирались. Сообщения фиксировались на диктофон, транскрибировались вручную. Изучение материалов интервьюирования позволило сконструировать представление об атрибуции вандажных действий, понять типичные реакции интервьюируемых на акты вандализма.

Обобщение результатов показало, что большинство обследуемых определяют вандализм через достаточно обширную решетку концептов (более насыщенную, чем теоретические дефиниции или правовое определение) [Зотова, Симонова, 2018], однако перечень явлений, квалифицируемых участниками интервью в качестве вандажных, а также предложенные определения соответствуют области явлений, обозначенных на основе теоретической установки Дж. Вайса. При этом каждый акцентирует внимание на эмоциональном эффекте вандажных действий. Им важно впечатление, которое оказывают вандажные повреждения на окружающих. Значимость имеют качества впечатлений — позитивные они или негативные. При этом физические повреждения, меняющие технические качества вещей, могут носить минимальный характер, большее значение имеет событийная сила вандажного акта, переживания, которые испытывают пользователи поврежденного пространства.

Это подтверждается обращением к анализу обсуждения случаев вандализма, произошедших за последние годы в различных регионах России и освещенных в прессе. Так, многих возмутил инцидент, произошедший в 2015 г. в Алексине (Тульская область), где подростки сожгли венки, возложенные к Вечному огню

мемориала Победы³. Хотя Вечный огонь, как и сам мемориал, не пострадал, местное сообщество отреагировало крайне болезненно. Сходные эпизоды с Вечным огнем, где физически памятник не пострадал, однако ситуация глубоко оскорбила горожан, регулярно происходят и в других городах (Нижний Тагил, Екатеринбург и др.). Что важно, именно на такие переживания рассчитывают сами вандалы. Целью их действий не является разрушение, важнейшее значение имеет реакция на содеянное.

Высказывания, полученные в ходе интервью также подтверждают приведенный тезис:

«Использование памятников как рампы — мы не расцениваем это как вандализм, если это действительно не разрушает памятник... Ну, и знаете, тут вопрос морали, что точно я не пойду на Вечный огонь кататься. Это просто какой-то нонсенс...» (молодой человек, роллер, 33 года).

«Это направленное злонамеренное разрушение символов, которые принимаются в нормальном обществе, в классическом понимании общества. Просто на уровне того, что я сказал, чтобы не повторяться: граффити создает символ, который есть, так же катание скейтеров возле памятников. Это разрушение памятников? Разрушение символа. И когда место теряет свою информативность, я называю это вандализмом» (молодой человек, роллер, 27 лет).

«Да, конечно, если ты несешь разрушение или негатив, ну, то есть какие-то свойства ухудшаются — объекта или пространства, да, то это вандализм...» (молодой человек, антифашист, 29 лет).

«...Зачастую уличные художники хотят, чтобы на их работу была реакция, пусть даже не самая положительная» (девушка, занимается несанкционированными граффити, 22 года).

Шокировать, расстраивать, оскорблять, возмущать — важно, что в случае с вандализмом эффект может быть не только негативным, но и позитивным. Вандальные действия могут быть нацелены на формирование приятных эмоциональных переживаний, заставлять почувствовать комфорт.

«Граффити должно быть со смыслом. 32С — известные в Ёбурге. Взяли мастику и писали «Смерть буржуйам». Художники есть в Ёбурге, идешь — и тебя улыбнуло» (молодой человек, антифашист, 26 лет).

К примеру, на стенах домов и на асфальте нередко можно встретить ободряющие надписи: «Я тебя люблю!», «Привет!», «С днем рождения!» и пр. (см. рис. 1, 2).

Таким образом, вандализм — это визуальная практика, она ориентируется на явление и обнаружение кем-то, даже если вандал ускользает и сам акт не был замечен, всегда предполагается, что кем-то будет произведена оценка, то есть вандальный акт совершается не только для себя, но всегда подразумевает изменения, которые затронут других. Хотя сам вандальный акт нередко сопровождается сильными эмоциями, в конечном счете он предполагает создание эмоций именно у пользователей пространства. Повреждения способны серьезно изменять статус, значение, пользовательские качества городской среды и ощущения горожан от нее.

³ Гвоздева А. В Алексине вандалы сожгли венки у Вечного огня // Myslo.ru. 19.05.2015. URL: <https://myslo.ru/news/criminal/2015-05-19-v-aleksine-vandali-sozhgli-venki-u-vechnogo-ognya> (дата обращения: 15.09.2018).

Рисунок 1. Надпись «Выздоровливайте!», г. Екатеринбург, 2018 г.

Рисунок 2. Надпись «С днём рождения!», г. Екатеринбург, 2018 г.

О том, как молодежь должна заявить о себе:

«...И при большом скоплении народа, где каждый может увидеть, заявить о себе надо как-то грандиозно, чтобы на это могли смотреть обычные люди, а не просто там у себя в клубе сидеть, придумывать. Чтобы это было видно, запоминалось...» (девушка, косплей, 22 года).

«Каким-то вандализмом политическим, социальным занимались... На Уралмаше проходил «русский марш», накануне расписывали стены, где будет проходить марш. В 15-м году это было, и в 2009-м «русский марш» накрывали, когда они все расходились...» (молодой человек, скинхед/ антифашист, 26 лет).

В последнем приведенном высказывании молодой человек показывает, что были приложены определенные усилия для того, чтобы участники марша знали, что им не рады, чувствовали это.

Рисунок 3. «Бог/бон есть любовь», образец юмора, г. Екатеринбург, 2018 г.

Вандализм заставляет пользователя почувствовать себя определенным образом, создает аффект, и эта работа способна оказать влияние на практики дальнейшего функционирования в изменившейся среде. Вандализм меняет «логику вещи» и задает новую логику функционирования человека в изменившемся пространстве, и именно аффект становится связующим звеном, передающим и поддерживающим эти изменения. Это предположение подтверждают результаты фотографирования вандальных поражений в Екатеринбурге, проведенного в 2017 г. В результате анализа фотографий и последующего осмотра ряда мест города установлено, что повреждения чаще всего появляются именно там, где это больше всего заметно окружающим и может оказать на них влияние — на фасадах домов, в местах постоянного пользования бытового назначения, на объектах инфраструктуры с хорошим обзором, а также в местах с высокой проходимостью, то есть где пространства подвергаются высокой нагрузке, в том числе в местах сбора молодежи. Важно,

что однажды поврежденные поверхности — вытопанные газоны, поврежденные ограждения и лавочки, исписанные стены провоцируют горожан менять свое поведение (перемещаться по протоптанным дорожкам, использовать лазы в заборах, сидеть на спинках скамеек, наносить новые надписи на стенах и т. д.). При этом в ходе интервью многие опрошенные отметили, что вандализм меняет практики поведения горожан, в некоторых случаях делая город неприветливым (создавая впечатление неблагополучия), а в некоторых — оптимизируя пространство.

«Ну, с другой стороны, в том числе когда делают газон и всем по... на этот газон — все через него ходят, значит, какой-то мудака просто газон плохо спроектировал и люди молодцы, потому что делают там тропинку. Потому что если они сделают... вытопчут тропу, да, то тому, кому было стремно ходить по газону, будет нормально пользоваться. Ты уже хуже не делаешь, уже есть тропинка. Если в состоянии опьянения алкогольного, да, наркотического, неважно, то понятно, что тут никакой не протест, тут просто — блажь. Если ты устраиваешь дестрой витрин, то тут надо посмотреть, кто это делает, какие витрины. То есть, например, было время, когда некоторые знакомые меховые витрины яйцами закидывали... ну, не яйцами, а краской с яйцами закидывали, да, то есть типа против этого. А если, ну как бы, нарушаются какие-то элементы благоустройства, ну то есть, например, знаки заклеивают или роняют. Ну, вот со знаками, кстати, спорно, потому что есть дурацкие знаки, ну типа «нахер он нужен», потому что дорога широкая, ограничение 30. Вот. Но, с другой стороны, если там на остановках граффити зафигачивают, расписание какое-то, еще что-то — то это плохо, конечно. Или фонари бьют, тоже непонятно — зачем?» (молодой человек, панк-рок/антифашист, 29 лет).

Значимым эффектом вандализма, который также выкристаллизовывается благодаря использованию концепции А.Т., является способность создаваемого вандализмом аффекта стать основой формирования общностей. Как было отмечено ранее, вандальный акт может стать источником негативного ощущения, а может вызывать ощущения комфортности, солидарности и пр. Вокруг таких общих переживаний, испытываемых горожанами, находящимися под влиянием одних и тех же аффектов, возникают социальные «уплотнения», характеризующиеся нежесткими сцеплениями. Безусловно, речь идет о социальных образованиях, идентичность которых не может быть сформирована целостно, но фундируется (определяется) совместным опытом, разделяемыми образами, переживаниями, историей [Петровская, 2012]. У вандальных продуктов появляются обожатели и ненавистники, охотники и защитники, аффекты воодушевляют и травмируют, создавая общности, которые уже чувствуют себя иначе вместе. И именно принадлежность пользователей к общей среде обеспечивает действенность аффекта. Серия граффити на тему Забиваки (символа Чемпионата мира по футболу — 2018) в Москве, ставшая предметом обсуждения по всей стране, получила много положительных отзывов. На своих страницах в социальных сетях Facebook и VK пользователи писали, что поддерживают художника и разделяют его ощущения от прошедшего мероприятия.

Здесь отметим, что не только потребители, но и сами вандалы в ходе производства аффектов усиливают и даже конструируют общности, характеризующиеся как подвижными, так и более плотными связями.

«Я только одно могу назвать изменение города, но, по крайней мере, если мы говорим о слаломе, там ставятся конусы. Конусы ставятся на точки. Точки, естественно,

должны быть где-то нарисованы. Вот, допустим, наши точки уже вот не десятый — больше, одиннадцатый-двенадцатый год мы рисуем прямо в центре города. И факт того, что их никто не стирает, никто за это не гоняет, наверно, важен, то есть город, он принимает то, что здесь катаются роллеры, эти точки здесь нужны. То есть я ни разу не слышал какого-то открытого протеста против того, что эти точки здесь находятся. Ни разу за свои десять лет. Точки там были, все прекрасно понимали. Это меня даже отчасти удивляло — то, что в центре города никогда никто не задавал никаких вопросов...» (молодой человек, роллер, 27 лет).

Совместные переживания и ощущения, возникающие в результате подготовки, реализации и отслеживания судьбы вандального действия, укрепляют не только уже существующие общности, но и солидаризируют разрозненных представителей разных социальных «уплотнений»: объединяемые производством аффектов, люди образуют новые связи, где в сети отношений формируются специфические формы субъектности.

Приведем высказывание молодого человека, занимающегося несанкционированными граффити (23 года), на вопрос «Как вы думаете, что самое главное в вашем сообществе, в чем его «фишка?»» он отвечает: «Страна большая. Ребятам много, которые занимаются теми же вещами, которые делаю я. Мы объединены в сообщество, но так как мы находимся по 600 километров, по 1000, мы автономны, делаем для своей команды, всплывает только в интернете, в самиздатах. Движемся в субкультуре. Смотрите, граффити занимаются не только брейкдансеры, хипхоперы, занимаются все. Мы стараемся быть автономной, не зависим ни от тех, ни от других. Это наше дело. И если кто-то решит вмешаться в наше дело, ему придется эти движения пресекать... Есть противоречие. Нету такого движения, где люди все заодно. Кто-то придерживается коммунистических взглядов, кто-то социалистических взглядов, кто-то отрицает общество, кто-то буддист. Этим людей много. Благодаря непохожести мы держимся вместе... Некоторые люди думают, что это их город, но скоро они почувствуют, что они сильно ошиблись. Настало время, и мы заберем свое...»

Независимо от того, положительным или отрицательным героем оказывается вандал, в ходе своей активности, имеющей мощную аффективную силу, он разворачивается как субъект городской среды, а не внезапно поддавшийся индивидуальному импульсу одиночка, который не просто изменяет конкретную вещь в городском пространстве, но меняет среду, корректирует социальное пространство, заставляя других пользователей ощутить, что их среда изменилась. Вандальная практика, независимо от позитивной или негативной оценки такой деятельности, должна быть понята как практика обживания пространства, его присвоения, его де- и реконструкции, и не только на физическом, но и на социально-топологическом уровне.

Идея А. Т. позволяет преодолеть установку на то, что вандализм носит спонтанный, случайный характер. Вандальный акт может оказаться трудоемким и потребовать серьезных временных, а иногда и материальных затрат, физической работы, планирования и подготовки. Он нередко сопряжен с серьезными рисками, которые осознаются вандалом. При этом материальный мотив в деятельности вандала не является доминирующим [Vorobyeva, Kruzhkova, Krivoshchekova, 2015],

а зачастую вообще отсутствует⁴. Безусловно, личные переживания — удовольствие, риск, выплеск эмоций, — имеют огромное значение. Однако концепция А.Т. позволяет увидеть серьезный мотив — создание переживания для других.

«Да, мне кажется, бывает: стикера, надписи, граффити. Есть, когда ты видишь, потому что знаком с этим. А если предложением — значит это адресовано всем» (девушка, скинхед (антифашист), 22 года).

Здесь молодой вандал как субъект городской среды намеренно действует в некоторой системе социальных координат, а не под воздействием сугубо индивидуального внезапного импульса. Таким образом, можно говорить, что он реализует стратегию обживания городского пространства, и здесь налицо стратегический характер вандальной активности молодежи. Стратегия в данном случае понимается нами как своего рода деконструкция [Rasche, 2008]: это система координат, позволяющая вандалу быть субъектом переструктурирования города, подрывать и перестраивать отношения, которые в нем сложились. При этом на сломках и построении отношений, в процессе совместного конструирования аффектов, переживания аффектов, произведенных референтными группами, человек формирует свою субъективность.

«Тут двояко, я думаю, тут имеет место быть и голос города — несанкционированные граффити, и зачастую они делают город комфортнее, последние годы это делают и для горожан, им тоже комфортнее становится. Это не просто выплеснуть себя, свою энергию, а чтобы был диалог между художником и зрителем, чаще случается положительный диалог...» (девушка, занимается несанкционированными граффити, 22 года).

«...Это не очень хорошо. Сам памятник — он стоит, а платформа, на которой он стоит, там же мрамор, и он, соответственно, уже чуть попорчен. То есть там следы те же, грязь... У нас есть в городе один скейт-парк, который раздолбанный полностью... И в момент все начали кататься не в скейт-парке, а на улице, просто на перилах скользить там, прыгать со ступеней. И тем самым мы показали, что у нас нет места, где кататься. Сейчас вроде бы построили на Ботанике парк... Мы так показываем свое мнение... И, я так понял, нас услышали...» (молодой человек, скейтер, 12 лет).

Таким образом, молодежный вандализм, рассматриваемый в контексте концепции аффективного труда, представляется надындивидуальным явлением, не только обуславливающим физическое состояние города, но выполняющим функцию производства впечатлений, меняющих городское пространство, конституирующих как самих вандалов и референтные для них общности, так и выполняющих функцию сборки новых социальных образований. При этом посредством аффектов и в ходе их производства вандалы испытывают влияние связи со средой — отзываются на изменения, которые в ней происходят, и сами выступают как субъекты городского пространства, формируют свою субъективность. Молодежный вандализм при этом разворачивается как стратегия, способная не только визуально (физически) преобразовать городское пространство, но осознанно конструировать аффекты, трансформирующие субъективность молодых людей, социальные позиции и формы общности как самих вандалов, так и пользователей города.

⁴ О присутствии материального мотива можно ограниченно говорить лишь в тех случаях, когда разрушения сопряжены с преступлениями, квалифицируемыми как кража.

В целом же можно сказать, что адаптация концепта аффективного труда в рамках решения проблемы методологического поиска позволяет составить представление о феномене молодежного вандализма как о социальной стратегии и определить его границы; пересмотреть традицию неуклонной «демонизации» молодежных активностей вандального типа, переосмыслить социальное значение таких практик; осознать неоднородность молодежного вандализма в контексте различных молодежных сообществ.

Рисунок 4. «За молодежь», г. Екатеринбург, 2018 г.

Заключение

Суммируя, можно сказать, что аффективный труд применительно к анализу молодежного вандализма позволяет увидеть связь между физическим состоянием пространства города и системы отношений и переживаний, которые социально маркируют и обуславливают его, тем самым город видится как мобильное, гетерогенное образование, а сам вандализм — как сложная стратегия проживания в нем.

1. Обнаруживается стратегическая природа вандализма, его целенаправленность и аффективная продуктивность.
2. Установлено, что А.Т. стимулирует создание коллективностей с особым типом субъектности и специфической субъективностью как среди вандалов, так и среди других пользователей городской среды.
3. Устанавливается связь «субъективность — сообщество — среда», вандал предстает как субъект городской среды.

4. Вандализм, понимаемый как «фабрика впечатлений», получает экономическое измерение не только с точки зрения стоимости физического ущерба городской и частной собственности: такая «работа» может либо создавать дополнительную ценность мест города, либо, напротив, снижает ее, делает район/город комфортнее или непривлекательнее.

Полученные теоретические положения открывают ряд перспектив в практической деятельности по работе с проблемой городского вандализма в молодежной среде.

1. На основании анализа силы и содержания производимых аффектов может быть сформирована система дифференциации вандальных практик и прочих видов молодежной активности.
2. Перспективной представляется оценка вандальных последствий на основании анализа производимых аффектов, а не только с опорой на физическую оценку поврежденного имущества, что позволит вычленять позитивные эффекты вандализма и использовать этот опыт в сфере работы с городской средой.
3. Анализ вандализма как аффективной стратегии позволит точнее понимать цели и причины вандального поведения и на этой основе корректировать среду и поддерживать альтернативные стратегии городской жизни молодежи.
4. Производимые аффекты могут стать индикаторами городских проблем, в том числе и проблем молодого населения.
5. Перспективной представляется экономическая оценка производимых вандалами аффектов применительно к маркетингу территории различного масштаба.

Список литературы (References)

Воробьева И. В., Кружкова О. В. Психология вандального поведения. Екатеринбург : УрГПУ. 2015. 304 с.

Vorobeva I. V., Kruzhkova O. V. (2015) The psychology of vandal behavior. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)

Григорова Я. В. Искусство и «нематериальный труд» // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2017. № 4. С. 69—73.

Grigoryeva Ya. V. (2017) Art and “Non-Material Labor”. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Culture, History, Philosophy, Law*. No. 4. P. 69—73. (In Russ.)

Зотова А. С., Симонова И. А. Что такое вандализм: тенденции речевой культуры в высказываниях субкультурной молодежи // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 4. С. 25—37.

Zotova A. S., Simonova I. A. (2018) What vandalism is: trends of speech culture in the statements of subcultural youth. *Bulletin of Pyatigorsk State University*. No. 4. P. 25—37. (In Russ.)

- Кемеров В. Е. Социальная философия. М. : Академический проект. 2004. 384 с.
Kemerov V. E. (2004) *Social Philosophy*. Moscow: Academic Project. 384 p. (In Russ.)
- Петровская Е. Безымянные сообщества. М. : Фаланстер. 2012. 384 с.
Petrovskaya E. (2012) *The Nameless communities*. Moscow: Falanster. 384 p. (In Russ.)
- Скуратова Ю. Н., Лебедева В. М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд. М. : Инфра-М, Норма. 1997.
Skuratova Yu.N., Lebedeva V.M. (1997) *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*. 2nd ed. Moscow: Infra-M, Norma. (In Russ.)
- Arvidsson A. (2007) Creative Class or Administrative Class? On Advertising and the 'Underground'. *Ephemera*. Vol. 7. No. 1. P. 8—24.
- Conti A. et al. (2007) The Anamorphosis of Living Labour. *Ephemera*. Vol. 7. No. 1. P. 78—88.
- Czach L. (2016) Affective labor and the work of film festival programming. In: Valck, M. (Ed.), Kredell, B. (Ed.), Loist, S. (Ed.). *Film Festivals: History, Theory, Method, Practice*. London: Routledge. P. 196—208.
- Dowling E. (2007) Producing the Dining Experience: Measure, Subjectivity and the Affective Worker. *Ephemera*. Vol. 7. No. 1. P. 117—133.
- Dowling E., Nunes R., Trott B. (2007) Immaterial and Affective Labour: Explored. *Ephemera*. Vol. 7. No. 1. P. 203—233.
- Hardt M. (1999) Affective Labor. *Boundary 2*. Vol. 26. No. 2. P. 89—100.
- Hardt M. Negri A. (2000) *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hardt M. Negri A. (2004) *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. New York: Penguin.
- Holzberg B. (2018) The Multiple Lives of Affect: A Case Study of Commercial Surrogacy. *Body and Society*. Vol. 24. No. 4. P. 32—57. <https://doi.org/10.1177/1357034X18799177>.
- Law J. (1999) After ant: Topology, Naming and Complexity. In: *Actor-Network and After*. Ed. by J. Law J. Oxford: Blackwell/Sociological Review. P. 3—14.
- Morgan P. (2016) Not Your DH Teddy-Bear; or, Emotional Labor is Not Going Away. *dh+lib*. Special Issue. URL: <https://acrl.ala.org/dh/2016/07/29/not-your-dh-teddy-bear/#marker-45401-1> (accessed: 20.12.2018).
- Moore P.V. (2018) Tracking Affective Labour for Agility in the Quantified Workplace. *Body and Society*. Vol. 24. No. 3. P. 39—67. <https://doi.org/10.1177/1357034X18775203>.
- Oksala J. (2016) Affective Labor and Feminist Politics. *Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 41. No. 2. P. 281—303. <https://doi.org/10.1086/682920>.

Rasche A. (2008) *The Paradoxical Foundation of Strategic Management*. Physica-Verlag Heidelberg. 345 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-7908-1976-2>.

Singh N. M. (2003) The Affective Labor of Growing Forests and the Becoming of Environmental Subjects. *Geoforum*. Vol. 47. P. 189—198.

Sweeney J., Mee K., McGuirk P., Ruming K. (2018) Assembling placemaking: Making and remaking place in a regenerating city. *Cultural Geographies*. Vol. 25. No. 4. P. 571—587. <https://doi.org/10.1177/1474474018778560>.

Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V., Krivoshechekova M. S. (2015) The genesis of vandalism: from childhood to adolescence. *Psychology in Russia: State of the Art*. Vol. 8. No. 1. P. 139—156. <https://doi.org/10.11621/pir.2015.0112>.

Wise J. (1982) A gentle deterrent to vandalism. *Psychology Today*. Vol. 16. No. 9. P. 28—31.

Wissinger E. (2007) Modelling a Way of Life: Immaterial and Affective Labour in the Fashion Modelling Industry *Ephemera*. Vol. 7. No. 1. P. 250—270.